

Америка. Сноуфилд.

Садзё Аяка проклинала свою судьбу в полуразрушенном оперном театре.

Она ничего не могла с этим поделать, даже если сама навлекла на себя все это.

Потому что обстоятельства, в которых она оказалась, казались лишь шуткой, божьей или дьявольской.

Рядом с ней лежало человеческое тело.

Внешних ран видно не было, но тело мужчины окоченело, а на лице застыло выражение муки, словно ему раздавили сердце. Оно не выдавало никаких признаков жизни.

В глазах Аяки его сердце действительно раздавила рука. Но... сердце исчезло, а на его рубашке не было ни одного разрыва, не говоря уж о ране в груди.

И «некто», раздавившая его сердце, также исчезла без следа.

Ее заставил отступить загадочный юноша, возникший прямо перед Аякой.

Этому предшествовали следующие события.

Несколько минут назад Аяка была пленницей.

Она была с головы до ног опутана магической веревкой, принадлежавшей тому, кто сейчас лежал рядом с ней хладным трупом — магу.

- Ты явно не восприняла меня всерьез, раз решила, что сможешь вот так от меня спрятаться, - в голосе мага слышалось изумление. Внимательно рассмотрев тело Аяки, он наклонил голову вбок. - Эти отметки похожи на командные заклинания... Значит, это про тебя говорил Фалдеус. Что ты здесь делаешь?

- ...Понятия не имею. Чудная белоснежка сказала мне прийти, я и пришла, - грубо ответила Аяка. Ее взгляд переполняли смирение перед миром и злоба на собственное неблагоразумие.

Заметив это, маг мысленно пожал плечами и продолжил без видимого интереса:

- Вот как. Значит, ты лишь жалкий бродячий маг, превращенный в жертвенную пешку для айнцберновской «куклы из плоти»... Что ж, я не могу допустить, чтобы ты мешала ритуалу. Прости, но сейчас я с тобой разделаюсь.

Маг пропустил магическую энергию через Магические цепи в своем теле и уже собирался оборвать жизнь Аяки, не моргнув глазом, словно это была всего лишь работа, когда—

- ...Хмф.

Он резко замер и коснулся пальцем серьги, которая, видимо, была каким-то магическим приспособлением.

- Да... ..Эта девчонка? Почему?

Судя по всему, он с кем-то разговаривал с помощью этой серьги, но Аяка, разумеется, не могла слышать его собеседника.

- ...Вот как. Понял. Я тебе подыграю.

Закончив разговор, маг тяжело вздохнул и вновь повернулся с связанной Аяке.

- Может, это всего лишь прихоть, но я бы не сказал, что мне не интересно.

- ...?

- О, я просто намерен испытать верность Героической души, которую вот-вот призову, - лицо мага едва заметно скривилось, и он, выдавив из себя смешок, продолжил: - Я хочу узнать, подчинится ли благородный герой, прозванный когда-то королем рыцарей Круглого стола, приказу убить беззащитную женщину.

Аяка поняла лишь, что ее, вероятно, убьет "благородный герой", которого маг намеревался призвать.

- А если этот как-там-его Круглого стола откажется меня убить, ты ведь... все равно меня не пощадишь, да? - цинично и сухо произнесла Аяка.

- Я всегда могу использовать командное заклинание, но, к сожалению, я не расточительный и не стану жертвовать такой ценностью ради утех. Я просто сломаю тебе шею этой веревкой.

- А ты уверен, что это разумно? Если не убьешь меня сейчас, я могу испортить ритуал.

- Дрожь в голосе выдает твой блеф.

Маг поддерживал атмосферу безразличия перед лицом отчаянного сарказма Аяки.

- Знаешь, почему я все равно что раскрыл тебе настоящее имя Героической души, которую буду призывать?

- ...?

- Потому что призыв - тоже "объявление войны". Не важно, если об этом узнают. Напротив, какая же это будет великая ирония, когда информация дойдет до Айнцбернов и Ассоциации через твоего нанимателя. Не вижу в этом никакого смысла, если спросишь меня, но мне все равно заплатят.

Среди магов сокрытие информации считалось основой здравого смысла, но этот маг лишь пожал плечами и продолжил объяснять:

- Если вкратце, мы предвидели проникновение, ради которого ты рискнула жизнью.

- ...

- Кстати говоря, я бы хотел удостовериться, что этим искусственным командным заклинаниям не хватит силы помешать моему призыву, но... На самом деле, я уверен, что в глазах Франчески мы всего лишь очередные ее игрушки. Что ж, даже если ты станешь сопротивляться и испортишь ритуал, мне все равно заплатят. Я просто смирюсь с тем, что вытащил короткую соломинку, и забуду про войну.

Аяка молча опустила глаза, чувствуя, как стягивается петля магической веревки на ее шее.

Маг, не проявляя интереса к ее состоянию, начал читать заклинание призыва перед

оборудованным на сцене алтарем.

- Пусть серебро и сталь станут сущностью. Пусть камень и эрцгерцог контрактов лягут в основу.

Эта последовательность слов ничего не значила для Аяки. В то же время, это был обратный отсчет до ее смерти.

- Пусть мой великий господин XXXXXX станет предком.

Слишком рано, - едва слышно простонала Аяка, слушая монотонный голос мага, будто ее это никоим образом не касалось. - Значит, мое драматичное бегство закончится именно здесь.

- Воздвигни против ветра стену, которая падет. Закрой четверо главных врат.

Это просто прихоть судьбы или же "ее" проклятье?

Она подумала, что, по возможности, предпочла бы последнее.

Что ж... если это так, то хватит ли этого, чтобы удовлетворить... "ее"?

Мысль о том, что на это есть причина, сделала бы все это чуть менее невыносимым.

Словно бегство от реальности, в которой она вот-вот умрет.

- ...?

Внезапно, она заметила странную энергию, которая текла через ее тело, в то время как голос мага разносился по залу. Казалось, вся ее кровь стала железом и теперь испытывала притяжение внешнего магнита.

Вскоре Аяка осознала, что пульсация была не в ее венах, а исходила от пяти татуировок, запечатленных на различных частях ее тела.

Глубокое возмущение или огромная радость.

Ей чудилось, что все ее тело испускало крик через эти татуировки. Понемногу крик становился громче, заглушая заклинание мага.

Маг, однако, похоже, не заметил перемены. Он был настороже, поддерживая непрекращающийся поток маны в ее магических путях, но судя по всему, не намеревался прерывать ритуал призыва...

Но Аяка не думала, что происходящее приведет к какому-нибудь оптимистичному событию, вроде мгновенного вывода мага из строя или же ее перемещения в безопасное место.

Это ведь не самоуничтожение, да?

В любом случае, ее смерть была почти что предрешена. Осознание этого обрушило на Аяку волну страха вместе с мыслью: "Я не хочу умирать".

Но даже эти чувства почему-то казались ей чужими, словно принадлежали кому-то другому.

Я не хочу умирать? Почему? Мне есть ради чего жить?

Аяка не могла сказать наверняка, был ли источником этих сомнений ее собственный мозг или же запечатленные на ее руках татуировки, которые заставляло делать это внедренное в них проклятье "белой девушки". Шум татуировок стал таким громким что парализовал ее способности трезво мыслить. Они, казалось, ободряюще кричали, приветствуя нечто, готовое в любую секунду появиться в этом мире. И в следующее мгновение—

На сцену оперного театра снизошла "смерть" во плоти.

Но пришла она не за Аякой, а возникла за спиной мага, ее палача.

- Явись из сковывающего кольца, Защитник... баланса...?

Как долго "она" там стояла? По крайней мере, Аяке показалось, что она появилась прямо из воздуха.

Миниатюрная человеческая фигура, закутанная в черные одеяния. Аяка видела, что черная ткань скрывала все ее тело, но не могла разглядеть лица. Единственным, что она отчетливо запомнила, был момент, когда из-под одеяний возникла причудливо длинная рука и коснулась груди своей жертвы.

Увидев это, Аяка поняла. Поняла, что ситуация, в которой она оказалась, больше не принадлежала известному ей миру - это была его другая, темная сторона, не видимая для тех, кто вел жизнь обычного человека. Едва она осознала это, в ее поле зрения возник крохотный образ.

Девочка в красном капюшоне.

<http://tl.rulate.ru/book/6511/124640>